

«Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». — М., изд-во «Наука», 604 стр.

Выход в свет новой книги по проблеме общего языкознания, подготовленной в Институте языкознания АН СССР (коллектив авторов — В. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева, Т. В. Булыгина, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Г. А. Климов, А. А. Леонтьев, М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, К. Г. Крушельницкая; отв. ред. В. А. Серебрянников) весьма знаменателен. Предыдущий двадцатилетний период вывел лингвистику нашей страны в авангард современной науки о языке, и было вполне закономерно обобщить и осмыслить проблемы общего языкознания; нельзя было также не оценить все те новые взгляды, которые сложились в зарубежных школах.

Рецензируемая книга состоит из девяти глав: «К проблеме сущности языка» (стр. 9—95), «Знаковая природа языка» (стр. 96—196), «Язык как исторически развивающееся явление» (стр. 197—313), «Психофизиологические механизмы речи» (стр. 314—370), «Проблемы взаимосвязи языка и мышления» (стр. 371—416), «Язык как общественное явление» (стр. 417—450), «Территориальная и социальная дифференциация языка» (стр. 451—501), «Литературный язык» (стр. 502—548), «Норма» (стр. 549—596).

Перед авторами «Общего языкознания» стояли трудные задачи, и было избрано верное решение — изложить прежде всего проблемы, связанные с сущностными характеристиками языка, руководствуясь принципами диалектического материализма. Неудачные попытки в прошлом создать марксистское языкознание, которые потерпели крах из-за догматического приложения отдельных высказываний классиков марксизма-ленинизма к проблемам языка, не означали испровержения самих принципов, а лишь свидетельствовали о недостаточном владении теорией марксизма, который остается ведущим философским направлением советской науки. Руководствуясь принципами диалектического материализма, авторы книги прежде всего определяют главную сущностную характеристику языка — его функцию быть средством общения (стр. 9 и др.), поскольку возможность для языка быть непосредственной действительностью мысли, его характеристика как системы знаков, особенности его развития — все это раскрывается через первое свойство.

Рецензируемая книга может рассматриваться как своеобразная итоговая работа ее авторов, так как отдельные ее части публиковались в виде брошюр и статей. Однако, будучи сведенными в пределах одного труда, идеи разных авторов предстали как достаточно единая теория. Отставная свою точку зрения, авто-

ры делают это ненавязчиво; к каждой главе приложена подробная библиография, а это предоставляет возможность углубленной работы в данной области; изложение проблем ведется на уровне лингвистики конца 60-х годов XX в.

Тематика книги чрезвычайно сложна, и хотя отдельные мысли, высказанные авторами, могут вызывать возражения, их спорный характер чаще всего обуславливается рядом объективных причин и прежде всего тем, что специалистами смежных областей знания еще не решено много проблем, и языковеду приходится опираться на гипотетические решения — как, например, в области сущностных характеристик мышления. Несмотря на то, что в книге в целом выдержана единая линия подхода к анализу языковых явлений, все же из-за того, что части книги написаны разными авторами, не удалось избежать некоторых противоречивых формулировок и недостаточно согласованных решений отдельных вопросов.

В книге выделяются три основные темы — «язык и мышление», «язык как знаковая система особого рода» и «язык и общество».

Соотношение языка и мышления рассматривается вначале в связи с проблемой становления человеческой речи и предпосылок возникновения абстрактного мышления; при этом учитываются новые данные смежных наук. Указывается, что способность обобщения развивается в животном мире, именно «общественное знание свойств класса предметов вошло в дальнейшем основой для возникновения слова» (стр. 29), а понятие есть обобщенный инвариантный образ предметов (стр. 41). Источником образования понятий является познание свойств реального мира, но, хотя понятия образуются в дословесный период, именно слова необходимы как для коммуникации, так и для формирования абстрактного мышления, поскольку в языке находит выражение все формы мышления — и понятие, и суждение, и умозаключение (стр. 59).

Далее проблема связи языка и мышления рассматривается уже с точки зрения сложившихся языковых систем: «Именно через мышление, через отражательную деятельность человеческого мозга языковые единицы могут соотноситься с предметами и явлениями объективного реального мира, без чего невозможно было бы общение между людьми при помощи языка» (стр. 372). Представляется интересной, хотя и спорной, мысль о двух видах мышления — познавательном и коммуникативном: в познавательном мышлении язык выступает в качестве базиса, орудия анализа и обобщения, а в

коммуникативном мышлении язык является средством упорядочивания для выражения мысли. Отсюда делается вывод о двух функциях языка — познавательной и коммуникативной, хотя выше (гл. I) говорилось об одной главной сущности языка. Спорно утверждение, что в единстве познавательного и коммуникативного проявляется единство биологического и социального (стр. 386—387); это скорее разные плоскости, координирующие специфику соотношения языка и мышления, которая, как справедливо указано в книге, может рассматриваться с разных сторон (гносологически, психологически, филогенетически, онтогенетически и с точки зрения близнизма).

При освещении соотношения языка и мышления, естественно, затрагивается проблема значения как результата двойного преобразования — отражательного и коммуникативного, как следствия двух функций языка; при этом учитывается также и влияние эмоционально-оценочного элемента (стр. 399). Между лексическими и грамматическими значениями не усматривается принципиальной разницы: их качественное различие, по мнению авторов, обусловлено характером отражаемого объекта и способом его отражения и выражения в языке. В книге выделяются три типа грамматических значений: первые выражают объективные отношения (предмет и признак, субъект и объект, причина и следствие, пространственные, количественные и прочие отношения), вторые обусловлены актом общения (лицо, время, наклонение) и третьи выражают коммуникативно-оценочный характер (сообщение — вопрос — побуждение и данное — новое). Остается, однако, без разъяснения, как ограничивать формально-структурные явления от значимых грамматических явлений и как трактовать их с точки зрения категориальных характеристик системы языка.

В целом проблемы соотношения слова и понятия, суждения и предложения даны в слишком общей форме (стр. 410—412), хотя с рядом замечаний можно согласиться. Действительно, все большее распространение находит определение значения слова как языковой категории плана содержания, познавательный субстратом которой является понятие как логическая категория (стр. 410). При показе соотношения предложения и суждения подчеркивается, что «вся эта проблема усложняется неразграничением в мышлении логического и психологического» (стр. 411). Несомненно и то, что часто проблема соотношения языка и мышления в целом трактуется чересчур прямолинейно, игнорируется переплетение в них познавательного и коммуникативного. Интересна, хотя и не полностью доказана, идея многокомпонентности мышления и многофункциональности языка (стр. 379 и сл.).

В настоящее время на стыке языкознания и психологии возникла новая область научного знания — психолингвистика, которая позволяет экспериментальным путем проверить ряд гипотез о соотношении языка и мышления. Однако глава «Психофизиологические механизмы речи» настраивает читателя пессимистически по поводу возможностей психолингвистики, поскольку «... мы еще очень мало знаем о структуре и функционировании механизмов порождения речи» (стр. 365). Наиболее разработан вопрос о механизме восприятия и порождения фонетической стороны речи: значительно меньше известно о механизмах грамматической и семантической ее сторон (стр. 319), т. е. неизвестно, по нашему мнению, главное с точки зрения системы языка. Из изложенного остается также не совсем ясным, что же именно составляет предмет психолингвистики — языковая способность или речевая деятельность в целом. Если верно последнее, то науку о языке следует ограничить проблемами внутренней лингвистики, однако весь материал книги показывает, что языкознание охватывает полный комплекс проблем изучения языка.

Теория знаковости языка, смыкающаяся с проблемой соотношения языка и мышления, занимает в книге довольно много места; это оправдано тем, что «знаковый характер человеческого языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей» (стр. 96). Вместе с тем авторы подчеркивают, что семиотический аспект изучения, который, как казалось вначале, может позволить раскрыть сущностные характеристики языка, в дальнейшем стал тормозом, так как он сузил понимание этих характеристик.

С точки зрения теории знакового характера языка «значение знака определяется как обобщенное отражение признаков предметов, явлений объективного мира, исторически закрепленное за данным знаком и ставшее его внутренней стороной» (стр. 104). Представляется справедливым замечание о том, что беспредметен спор о природе значения и определение его либо как субстанции, либо как отношения, так как значение включает в себя и то, и другое (стр. 125). Анализ содержательной стороны знака проведен весьма последовательно и всюду подчеркивается, что связь означаемого и означающего опосредована человеческим сознанием. Мы поддерживаем мысль о том, что знак в целом двусторонен, а означающее обладает двойкой природой: оно и материально, и идеально. Не вызывает возражения и соотнесение знаковости естественного языка с четырьмя функциями языковых элементов: с функциями обозначения, обобщения, коммуникации и с прагматической функцией. Достаточно широко показано отличие языка

от прочих семиотических систем и его особое место среди явлений окружающей нас жизни. В качестве основной функции выделена познавательная функция как отличающая языковой знак, но подчеркнута, что специфика естественного языка заключается не столько в ней, сколько во взаимодействии и во взаимообусловленном осуществлении всех функций, что делает языковую систему языка глобальной по значению, многоуровневой по структуре, полифункциональной по целям» (стр. 109).

Подробно рассмотрены специфические черты языка при сопоставлении его с другими системами знаков. Одной из типологических черт естественного языка названа его способность трансмутировать из одного набора знаков в другой (ср. у Ельмслева: язык — это семиотика, на которую можно перевести все другие семиотики», см. стр. 147). Подчеркнуто, что язык может выбирать в зависимости от конкретных целей и ситуации общения наиболее подходящий тип знаков, поскольку в его составе представлены все они: индексы, иконические знаки, сигналы и символы. Интересны соображения о действии принципа экономии в языке, который выявляется в наличии фигур в планах как выражения, так и содержания и в целом — в многоуровневой организации языка.

Специфика языкового знака демонстрируется также в связи с языковым изменением, т. е. в плане сдвига семиотических связей: в языке наблюдаются действительные противоположающиеся силы, одна из которых направлена на разрушение знака, а другая — на предотвращение разрыва двух сторон знака и их объединение: «... в функционировании языка участвует, наряду с собственно семиотическим механизмом, еще и переменный, скользящий аппарат дифференциации, создаваемый смысловым и ситуативным контекстом» (стр. 190). Сведения о языке как исторически развивающемся явлении заставляют посмотреть на диахронию как на свойство существования системы языка. Можно согласиться с тем, что с этой точки зрения в языке по сравнению с другими семиотическими системами наличествуют промежуточные образования и новое сосуществует рядом со старым: «язык... является самопорождающим организмом, который из себя же самого создает свою новую структуру» (стр. 172). Не забыто и то, что асимметрия знака, сдвиги в отношениях между формой и функцией имеют прямую связь с эстетической функцией языка. Достаточно ново и перспективно выделение функциональных единиц как в плане содержания, так и в плане выражения.

Теория знака охарактеризована всесторонне и глубоко, однако здесь не могло не сказаться то, что все три раздела главы о знаковости языка написаны

разными авторами. В результате описанные свойства знака и особенностей его развития отражает в известной мере сосюрговскую традицию, в которой слово рассматривается в качестве центральной единицы; сравнение же языка с другими семиотическими системами тяготеет к биологической тенденции, признающей в качестве знака не только слово, но и предложение. Все это не могло не привести к противоречиям, из-за которых осталось неясным, что же считать знаком языка. При чтении первой главы создается впечатление, что знаком является звуковая оболочка слова и его формальной части (см. стр. 43—45). Во второй главе (§ 1) говорится главным образом о слове как о знаке, хотя упоминается его отличие как знака от предложений, словосочетаний и морфем (стр. 429), в связи с чем вводится малоприводный термин «словесный знак» и сказано, что слово — это основной, полный знак (стр. 130 и сл.). Но далее в той же главе (§ 2) слово трактуется как частичный знак (стр. 162 и сл.) и противопоставляется предложению как полному знаку. В пределах одной главы проводится две типологии знаков: на стр. 136 говорится о трех группах знаков — фонемах (знаках с дифференцирующей функцией), грамматических морфемах и моделях синтаксических и семантических связей языковых единиц (знаках с превалированием отождествляющей функции над дифференцирующей) и словах, словосочетаниях и предложениях (собственно знаках, которым присуща как дифференцирующая, так и обобщающая функция), а на стр. 455 выделены всего две группы знаков — номинативные и предикативные. Вызывает сомнение состав единиц, относимых к знакам языка. Прежде всего это касается фонем, так как они не удовлетворяют определению знака, данному на стр. 111—112: они не обладают двусторонним характером, не замечают ни понятий, ни идей, не обладают значением (стр. 107), в их пределах не сосуществуют четыре функции знака. В других разделах книги также говорится о фонемах как о не-знаках, т. е. о фигурах (см. стр. 156, 217 и др.). Требуется дальнейших разъяснений отнесение моделей синтаксических и семантических связей к знаковым образованиям, ибо и оно не удовлетворяет критериям, по которым определяется знак. Весьма спорным представляется и отнесение предложений к знакам языка. Не вызывает сомнения, что отличие языка от прочих семиотических систем связано с наличием номинативных знаков, тогда как в прочих системах есть лишь знаки, подобные предложениям. Заметим, однако, что за пределами естественного языка человека знаковые системы состоят не из чисто предикативных знаков, т. е. за пределами человеческого языка номинативность и

предикативность слиты воедино (иначе говоря — максимально сближены текст и система). Можно добавить и то, что в содержательной стороне языкового знака наличествует не только значение, но и ценность (значимость) как реляционное свойство, проистекающее от отношения знака с прочими членами системы; предложение же не обладает этим свойством. Нам представляется более верной точка зрения, высказанная на стр. 407, где предложение определено в качестве основной единицы общения.

Со знаковым характером языка непосредственно связана идея системности, и остается пожелать, что соответствующий раздел отсутствует в рецензируемой книге, трактующей сущностные черты языка. Из-за этого термины «система» и «структура» употребляются без уточнения, и даже вводится различие языка и системы языка (стр. 270), а наибольшее место уделено понятию системы при обсуждении проблемы языковых изменений (стр. 266—282)¹.

В последние годы все большее внимания привлекает функциональный аспект языковых явлений, и в книге он представлен достаточно полно, однако еще не четко выкристаллизовалось определение самого термина «функция» (его трактуют то в соответствии со взглядами Пражского лингвистического кружка, то «по Ельмслеву»), и это сказалось в рецензируемом труде. Нет четкости также в определении функций языка как целого и функций его единиц (стр. 109 и 135—136). Помимо коммуникативной, познавательной и эстетической функций, упомянуты также общественные функции языка (стр. 232, 432, 510) без четкого их описания и отличия от форм существования языка (стр. 530). По-видимому, целесообразно ограничивать, с одной стороны, цели и назначение языка, а с другой — сферы его использования.

Тема «язык и общество» в рецензируемой книге рассматривается, начиная с общего предположения возникновения человеческой речи при совместной трудовой деятельности в первобытном стаде, так как «наличие общественного сознания явилось весьма важной предпосылкой для возникновения звуковой речи» (стр. 38). Весьма подробно сопоставляются особенности коммуникации и языковая техника в разных языках мира. Проанализированы исторические особенности развития языка, и в качестве причины развития названа неоднородность языка в функциональном, социальном и географическом планах. Хорошо показаны два вида внутреннего движения язы-

ка: варьирование, т. е. движение в синхронии, не затрагивающее структуру языка и относящееся к его функционированию, и изменение, приводящее структуру к новому виду (стр. 208). Опровергнут тезис о непроницаемости грамматического строя (см. стр. 222; правда, ниже вновь упоминается морфологическая непроницаемость — см. стр. 292).

В главе о языке как общественном явлении особое внимание уделено определению общественного сознания в его отличиях от мировоззрения, т. е. от идеологии. Показано также отражение в языке особенностей социальной жизни общества, его дифференциации по классовому, сословному, имущественному и профессиональному признаку, описано, как язык реагирует на демографические изменения и т. п. В последние годы эта тематика мало разрабатывалась, хотя в трудах 30-х годов она была широко представлена. В рецензируемой книге использовано все то многое, что было накоплено в этой области советской лингвистикой, с переосмыслением в свете новейших достижений. Подробно освещена социальная дифференциация языка и проблема жаргонных характеристик (стр. 478—498).

При рассмотрении проблемы «язык и территориальные диалекты» отмечается, что с точки зрения структуры, невозможно определить разницу между ними, так как пока здесь надежны лишь критерии социологического порядка (стр. 452). Понятие территориального диалекта не только исторически изменчиво, но зависит и от уровня социального развития; с течением времени отдельный диалект может накопить большое количество отличительных черт и постепенно превратиться в самостоятельный язык (стр. 472). Некоторое противоречие можно усмотреть в том, что сначала говорится о необязательности территориальных границ как признаке диалекта (см. стр. 469, 472, 476), а затем подчеркивается именно территориальная ограниченность как основная черта диалекта (см. стр. 508).

Дифференциальные признаки диалекта выявляются яснее всего в их противопоставлении признакам литературного языка, который определяется как «... обработанная форма любого языка, независимо от того, получает ли она реализацию в устной или письменной разновидности» (стр. 502). Литературный язык описывается в его противопоставлении не только территориальным диалектам, но и бытовым формам разговорного языка — городским и областным койне, интердиалектам и т. д.; когда же говорится о литературном языке сложившихся наций, то перечисляются его особенности: поливалентность, стилевое разнообразие, отбор с регламентацией² и т. п. На многочисленных примерах проанализированы

¹ Раздел «Понятие системы языка» включен в следующий том этого издания, подготовляемый в настоящее время Сектором общего языковедения Института языковедения АН СССР.

особенности становления национальных литературных языков в разных странах.

К главам об общественном характере языка примыкает глава о норме, которая одновременно трактуется как собственно языковая и как социально-историческая категория (стр. 559). Теория нормы, дополняющая дополнять противопоставление языка и речи, которое имплицитно принимается в книге, содержит много неясного. С одной стороны, практика обучения языку и наблюдения за спецификой использования литературного языка подтверждают необходимость понятия языковой нормы, а с другой стороны, не полностью ясны все-таки критерии определения этого понятия. Возникает также вопрос о целесообразности рассмотрения нормы как общезымоведческой категории, если соотношение языковой структуры с планом ее реализации распространено лишь на флективные языки, а для агглютинативных и изолирующих языков оно объясняется нехарактерным (стр. 558). Все же, в целом рассмотрение понятия нормы представляет интерес, а материал, приведенный в данной главе, свеж и оригинален.

Говоря о построении рецензируемой книги, следует заметить, что при освещении отдельных проблем было найдено хорошее соотношение исторического аспекта и современного состояния, а несколько неравномерное распределение иллюстративного материала обусловливалось характером освещаемых проблем. Не во всех главах выдержано равномерное разбиение на разделы и параграфы, а главу о норме следовало бы включить в предыдущую главу о литературном языке. Встречаются отдельные повторения, например, о месте языка среди других знаковых систем.

Несколько слов о терминологии — одним из больших мест современной науки. В целом в книге используются достаточно установившиеся термины, однако,

нередко употребляются новые термины иноязычного происхождения, которые еще не получили всеобщего признания и не включены в словари, имеющиеся в распоряжении советского читателя. Иногда в параллель к ним приведены общераспространенные термины, что уже само по себе «указывает на возможность не пользоваться малоизвестным словом. Ср. неконгруэнтность — непараллельность (стр. 116), арбитрарность — произвольность (стр. 150 и сл.), интралингвистические — внутриязыковые (стр. 219), гипосемантематический уровень — лежащий ниже уровня предложения (стр. 166) и т. п. Без объяснения введены термины, используемые Л. Призо (их нет в словаре О. С. Ахмановой): поэма, поэтическое поле и т. п. (стр. 146 и сл.); без объяснения введены термин «семантизм» с разными эквивалентами — высказывание (стр. 165), предложение (стр. 167). Вариант лексемы назван «лексас», а варианты морфемы и фонемы названы соответственно «морфом» и «фоном». Все это свидетельствует, что давно пора упорядочить терминоворотство, уделив основное внимание его приципам.

Можно было бы сделать ряд мелких замечаний по поводу неудачных формулировок (приходится отметить особо наличие наиболее досадных опечаток на стр. 125, 129, 144, 178, 186, 193, 237, 249, 250, 236, 293, 375, 396, 425, 439, 441, 517, 565), поспорить о некоторых примерах, но не в них дело, когда речь идет о большом и серьезном труде. Заметим, что при современном спросе на лингвистическую литературу тираж в 10 000 экземпляров нельзя назвать удовлетворительным.

В целом книга «Общее языкознание» выражает ориентацию ведущего языковедческого учреждения и дает возможность всесторонне проанализировать основные проблемы теоретической лингвистики.

Н. А. Слюсарев

D. S. Worth, A. S. Kozak, D. B. Johnson. Russian derivational dictionary. — New York, American Elsevier publishing company, INC., 1970. XXIV+747 стр.

Вряд ли есть большая необходимость говорить о том значении, какое имеет выход в свет словаря, посвященного такой болезненной и вместе с тем далеко еще не решенной проблеме — членности на морфемы слов современного русского языка.

Идея составления словаря морфем сама по себе не нова и была высказана

И. А. Бодуэном де Куртене немногим менее 100 лет назад¹. Значительно позднее, в 30-е годы, она была выдвинута вновь известным американским лингви-

¹ И. А. Бодуэн де Куртене, Замечания о русско-польском словаре, «Лексикографический сборник», VI, М., 1963, стр. 140—147.